ResearchGate

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: https://www.researchgate.net/publication/303190500

Браки и разводы в России // Народонаселение, 1998 №2, с.3-13 и 1999 №1, с.27-43.

Article · January 1998

CITATIONS
0

READS
2,218

1 author:

Alexandre Avdeev
Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne
47 PUBLICATIONS **332** CITATIONS

SEE PROFILE

All content following this page was uploaded by Alexandre Avdeev on 15 May 2016.

The user has requested enhancement of the downloaded file.

Опубликовано: «Браки и разводы в России» // *Народонаселение,* 1998 №2, с.3-13 и 1999 №1, с.27-43.
(часть первая) 1998 №2, с.3-13

Авдеев А.А.

Браки и разводы в России[1]

С тех пор как Дж.Хайнал провел между Санкт-Петербургом и Триестом линию, разделяющую два типа брачности в Европе конца XIX века, демографические характеристики браков и разводов остаются в числе важнейших факторов, определяющих деление Европы на две геополитических зоны: Восточную и Западную Европу.[2] Начиная с 1950-х годов и до падения берлинской стены, это деление казалось несомненным, так как, несмотря на некоторые несоответствия, оно отражало скорее политическое, чем демографическое противостояние.[3]

С конца 1980-х годов, по мере того как детальная информация о населении бывших социалистических странах становится доступной для анализа, это демографическое разделение Европы начинает все больше оспариваться. Этому способствовало и естественное желание новых политических режимов в Восточной Европе отдалиться как можно дальше от СССР, хотя бы в демографических координатах.[4] В начале 1990-х годов, быстрое падение рождаемости и изменения тенденций брачности в Восточной Европе, происходящие на фоне глубоких политических и экономических преобразований, сделали демографическое разделение Европы еще более сложным и неочевидным.[5] Но при этом характеристики брачности по-прежнему остались разделяющими Европу на Восток и Запад.

Немногочисленные исследования брачности в Восточной Европе носят по большей степени описательный характер, констатируя её особенности (более ранние и сильно сконцентрированные в молодых возрастах первые браки, очень низкий по сравнению с Западом уровень окончательного безбрачия), но оставляя в стороне глубинные причины

---

[1] Данный работа подготовлена в рамках совместного проекта с Национальным институтом демографических исследований Франции (INED) в сотрудничестве А.Моннье.

[2] См. Hajnal J.– “European marriage patterns in perspective” in: *Population in History. Essays in Historical Demography*, edited by D.V.Glass and D.E.C.Eversley. London, 1965 Edvard Arnold, p.101-143; и Sardon J.-P. – Mariage et divorces en Europe de l’Est, *Population*, n°3, p.547-598

[3] Monnier A., Rychtarikova J. (1991) - Comment l’Europe s’est divisée entre l’Est et Ouest, *Population*, n°6, p.1617-1650

[4] Этот мотив рельефно выступал в ходе дискуссий на Европейском демографическом конгрессе, проходившем в октябре 1991 года в Париже. См. M. Nì Bhrolchaìn - «East-West marriage contrasts, old and new» dans : A.Blum, J-L.Rallu *Démographie européenne : II Dinamiques démographiques* INED, John Libbey Eurotext, 1993, p.461-465.

[5] Coleman D. – “Preface. The State of Europe’s Population” In: David Coleman (éd), *Europe’s Population in the 1990s*, Oxford University Press, 1996, p.v-xix.; Его же – “New Patterns and Trends in European Fertility: International and Sub-National Comparisons”. В кн.: David Coleman (éd), *Europe’s Population in the 1990s*, Oxford University Press, 1996, p.1-66. и Kiernan K. –« L’avenir des couples et de la fécondité ». В кн.: *L’avenir de la population en Europe. Une approche par scénarios*. Publié sous la direction de Robert Cliquet, Conseil de l’Europe, Études démographique, 1993 n°26. P.23-45.

этих отличий. Действительно, если различия в смертности с большой детальностью объясняются социальными, экономическими и политическими условиями, то для объяснения различий в брачности с большой осторожностью употребляется слово “поведение”, с упоминанием о традиционных ценностях, о традиционной привязанности к семейным ценностям и т.п. Это обращение к социологическим терминам не выглядит слишком убедительным, так как очень высокая разводимость сопутствует почти всеобщей брачности в Восточной Европе, что ставит под сомнение тезис об устойчивости семейных ценностей. Другое ходячее объяснение сводится к тезису о “запаздывании” демографического развития Восточной Европы по сравнению с Западной. Такое объяснение, по нашему мнению, может быть приложено к различиям брачности лишь с большой долей условности, так как в ряду индикаторов демографического развития браки и разводы занимают совершенно особое место.

Действительно, брак и развод отражаются в демографической статистике как явления юридические, характеризующие не только демографическое поведение, связанное с рождением детей, но также сексуальное поведение и социальную идентификацию индивида.[6] Таким образом, проблема заключается в том, в какой степени возможно, основываясь только на демографических показателях, понять реальную эволюцию брачности? Понять, что мы действительно наблюдаем сегодня: изменения поведения, связанного с формированием и распадением семейных пар, или изменение связей между социальной и юридической системами? В какой степени анализ последних тенденций может служить основой для предвидения будущих изменений брачности? Данная статья представляет собой попытку дать ответ, может быть – спорный, на эти вопросы, используя пример эволюции брачности и разводимости в России с начала 1960-х годов. Кроме этого, по большей степени теоретического аспекта, нам хотелось бы, в той степени, которую позволяют рамки журнальной статьи, представить серии данных и специфический контекст эволюции брачности и разводимости в стране, безусловно расположенной на востоке от линии Хайнала.

Законодательные рамки и статистика браков и разводов в России в XX веке.

В России существует два источника для демографического анализа брачности: переписи населения, позволяющие оценить частоту отдельных брачных состояний на критический момент переписи, и записи актов гражданского состояния, дающие информацию для текущей статистики брачности и разводимости. В переписях брачное состояние определяется по заявлению опрашиваемых, причем не выясняется является брак зарегистрированным или нет. Текущая статистика, напротив, включает только события юридической регистрации браков и разводов. Таким образом, между данными

[6] Leridon H. (1991) - Pourquoi la démographie... Dans : Huber, Thérèse et Roussel, Louis (ed*.) La nuptialité : Évolution récente en France et dans les pays développés*. Actes du Colloque National de Démographie. Paris. 3,4,5 décembre 1991

переписи и текущей статистики, могут быть расхождения, целиком определяемые особенностями действующего законодательства. В России брачное законодательство претерпевало существенные изменения, которые отражались на статистике браков и разводов, затрудняя сопоставимость показателей в различные периоды времени.

До конца 1917 года в России господствовала церковная форма брака.[7] Но поскольку Россия была многоконфессиональным государством, заключение и расторжение браков определялось существенно различавшимися между собой уставами русской православной, римско-католической, протестантской церквями, иудаизмом, исламом и проч.[8] Официально признанные государством церкви должны были направлять итоги регистраций браков и разводов в святейший Синод, который делал общую сводку, но браки русских сектантов, в особенности некоторых направлений старообрядчества, вообще не попадали в государственную статистику.

Сразу же после Октябрьской революции 1917 года брачно-семейное законодательство в России изменилось коренным образом. В числе первых постановлений Советской власти были Декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» от 16 (29) декабря 1917 года и запоздавший на два дня Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18(31) декабря 1917 года. [9] Последний начинался словами: «Российская республика впредь признаёт лишь гражданские браки»; таким образом, Россия встретила новый 1918 год страной гражданского брачного права, вероятно, наиболее либерального из всех существовавших когда-либо. Декреты сняли существовавшие в Российской империи ограничения для межконфессиональных и межнациональных браков, установили равенство мужа и жены в браке и уравняли права и обязанности детей, родившихся в браке и вне брака. Но новое законодательство имело и существенные недостатки. В частности, фигурирующие в обоих документах Бюро регистрации браков ранее не существовали и должны были только создаваться. Кроме того, декрет о расторжении брака мог касаться только браков раскольников, которые должны были регистрироваться гражданским порядком в полиции с 1874 года. Браки же представителей всех остальные конфессий бывшей Российской империи фактически оказались аннулированными первой фразой декрета « О гражданском браке », и, таким

[7] Исключение представляла светская регистрация раскольничьих браков, приобретавших силу, по закону от 19 апреля 1874 года, лишь после записи в специальные метрические книги, ведение которых было возложено на полицию.

[8] См. об этом, например, П.Бечаснов – Статистические сведения о разводах и недействительных браках за 1867-1886 (по епархиям Европейской России). Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. №26, Спб, 1893, с.5 и 9.

[9] Проект декрета о расторжении брака был впервые опубликован уже через 10 дней после переворота в « Газете » №5,от 5 ноября 1917 года, а 22 ноября того же года – в вечернем выпуске газеты « Правда », №18 ; проект декрета о гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния, был впервые опубликован в газете « Известия », №231 от 21 ноября 1917 года.

образом, процедура развода была к ним неприменима, так как они не были гражданскими, – единственно признаваемым Российской республикой.

Все эти недостатки первых декретов были устранены в принятом ВЦИК 16 сентября 1918 года Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Это был первый после февраля 1917 законодательный акт, который в более или менее законченном виде регулировал целую область гражданско-правовой жизни. По Кодексу 1918 года брак регистрировался немедленно при подаче заявления в отделе записи актов гражданского состояния (ЗАГС) и свидетельство выдавалось тут же, если к этому браку не было препятствий, о чем вступающие в брак давали подписку. Разрешенным возрастом для вступления в брак было 18 исполнившихся лет для мужчины и 16 для женщины, для Закавказья был установлен возраст 16 лет для мужчины и 13 лет для женщины. Ограничением для вступления в брак служило родство по прямой линии, включая полнородных и неполнородных братьев и сестер, состояние в другом браке и официально признанная душевная болезнь. Развод также совершался немедленно, а свидетельство выдавалось в течение трёх дней. Брак мог был быть расторгнут как по обоюдному согласию супругов, так и по заявлению одного из них. В случае, если брак расторгал судья, он был обязан отправить информацию об этом в ЗАГС. Наконец, были признаны браки, заключенные до 20 декабря 1917 года по церковному обычаю в соответствии со законодательством Российской империи.

Кодекс 1918 года действовал до конца 1926 года, когда на смену ему пришли Семейные кодексы союзных республик. Новый кодекс РСФСР был утвержден решением третьей сессии ВЦИК XII созыва от 19 ноября 1926 года и введен в действие с 1 января 1927 года, он принципиально не отличался от старого, но имел существенные дополнения. Во-первых, развод был упрощен до крайней степени: если по Кодексу 1918 года спорные разводы оформлялись через суд, то новый Кодекс передал их в ведение ЗАГС, причем для регистрации развода достаточно было обращения одного из супругов, другая же сторона извещалась о разводе по почте. Эта процедура получила в народе название «открыточный развод». Конечно, при значительном женском перевесе в бракоспособных возрастах, обусловленном военными потерями населения, такое упрощение процедуры развода привело к их значительному росту.

Во-вторых, самое важное, не только зарегистрированный, но и фактический брак получил юридическое признание. Отметим, что и до принятия Кодекса 1927 года незарегистрированные браки имели достаточно широкое распространение в России. [10] Как отмечает А.Г.Харчев, в некоторых случаях брак устанавливался церковным обрядом без последующей регистрации его в ЗАГСе, так как последнее при отсутствии

[10] По данным переписи 1923 года незарегистрированными в ЗАГСе были примерно 7% от общего числа браков в России, фактически же таких браков было больше. См. «Семья и новый быт» под ред. Д.М.Курского, М.1926, с.2

имущественных отношений и существующих принципов наследования не имело особого значения. От регистрации отказывались и те, кто считал брак свободным союзом, не подлежащим государственному оформлению.[11] Практика показывала, что в обоих случаях в проигрыше оказывались женщины и дети, которые в случае расторжения незарегистрированного союза не могли рассчитывать ни на какую поддержку со стороны бывшего мужа и отца. Эта проблема была достаточно острой, и поэтому законодательство ввело норму признания юридических последствий фактических браков. При этом собственно признание такого союза законным происходило только в случае конфликта при его расторжении, так как один из супругов вынужден был обратиться в суд для установления юридических последствий союза. Если же брак сохранялся или расторгался по взаимному согласию, то никакого отражения в статистике он иметь не мог. Кроме того, как показывала судебная практика, положение о фактическом браке открывало возможности для полигамии, и были случаи, когда женщина предъявляла иск по признанию фактического брака к мужчине, который состоял в другом браке.

Будучи, безусловно, наиболее демократическим и прогрессивным в мире, кодекс 1927 года оказался и одним из последних социальных экспериментов большевиков. Насильственная коллективизация, репрессии и массовые высылки крестьян привели к голоду 1933-1934 годов и росту числа беспризорных детей. К этому добавляется уменьшение рождаемости, рост числа искусственных абортов и разводов, что не соответствует концепции автоматического исчезновения «пережитков капитализма» по мере построения социалистического общества. В связи с этим претерпевает изменения и государственная политика в отношении семьи.

Знаменитое постановление от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении материальной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» стало отправным пунктом политики ужесточения государственного контроля семейных отношений. Отныне при разводе устанавливался обязательный вызов в ЗАГС обоих супругов, вводилась отметка о разводе в паспорте и увеличивалась пошлина, уплачиваемая при разводе, причем при втором разводе она была в три раза выше, чем при первом, а при третьем и последующих - в 6 раз. Эти меры привели к уменьшению числа разводов; если в 1935 году было зарегистрировано более 220 тысяч разводов, то в 1937 году их число уменьшилось на 65%, но затем число разводов вновь начинает расти и достигает до 100 тысяч в 1940 году.

[11] См. А.Г.Харчев – Брак и семья в СССР. Москва: «Мысль», 1979, с.148.

Свое окончательное выражение ужесточение отношения государства к бракам и разводам получает в 1944 году, когда постановление Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля отменяет признание юридических последствий незарегистрированного («фактического») брака и устанавливает такую сложную процедуру развода, что её можно расценить как их практическое запрещение. Расторжение брака отныне допускалось только в суде, а пошлина за развод была увеличена в 4 раза. До подачи документов в суд вводилась обязательная публикация извещения о разводе в местной газете. Затем просьба о разводе должна была подаваться в суд первой инстанции, который не имел права расторгать брака, а должен был лишь предпринять действия для примирения супругов. И лишь в том случае, если суд устанавливал невозможность такого примирения, разводящиеся получали право обратиться в суд второй инстанции, который уже мог расторгнуть брак. Это изменение законодательства спровоцировало волну регистраций фактических браков и резкое уменьшение числа разводов; так в 1945 году было зарегистрировано всего 3840 разводов, из которых 3627 – в городах и только 213 – в сельской местности.

Данные правила действовали до 1965 года, когда Постановлениями от 10 декабря 1965 года и от 18 января 1966 года процедура развода была упрощена. Вначале была отменена обязательность публикации объявления о разводе в газете, затем – суду первой инстанции было разрешено расторгать браки, а если брак расторгался по взаимному желанию супругов, у которых не было общих детей, то развод осуществлялся органами ЗАГС. Введение в действие этих постановлений привело к резкому увеличению числа разводов: если в 1964 году было зарегистрировано около 223 тысяч разводов, то в 1967 году – уже 412.5 тысяч.

Новый порядок расторжения брака получил окончательное утверждение после принятия Верховным Советом СССР «Основ законодательства Союза СССР и союзных республик о браке и семье» 27 июня 1968 года и Кодекса о семье и браке РСФСР, введенного в действие с 1 ноября 1969 года. После распада СССР и образования Российской Федерации как самостоятельного государства, положения кодекса 1969 года о порядке заключения и расторжения брака перешли в Семейный кодекс Российской федерации, принятый Государственной Думой 8 декабря 1995 года.

Учитывая все изменения законодательства о браках и разводах в России в течение XX века, можно утверждать, что до 1944 года статистика брачности лишь частично отражала реальную ситуацию, и на её основе судить о тенденциях браков и разводов весьма затруднительно. С 1944 по 1959 год статистика актов гражданского состояния, видимо, адекватно отражала реальные тенденции заключения и расторжения браков, но из-за отсутствия до 1959 года данных о возрастно-половой и брачной структурах населения непосредственный расчет интенсивных показателей невозможен. Лишь после 1959 года

данные переписей населения и текущего учета делают возможным строгий демографический анализ брачности и разводимости в России. Сокращение с 1997 года статистической отчетности о браках и разводах вновь создает ситуацию, когда о реальных тенденциях и все усложняющихся факторах брачности и разводимости можно будет судить лишь на основании выборочных исследований. К сожалению, в современном демографическом анализе методы косвенных оценок и модели брачности развиты весьма слабо, так что на пороге XXI века наши знания о браках и разводах в России могут значительно сократиться.

Структура населения по брачному состоянию в послевоенный период

Россия традиционно считается страной с высоким уровнем брачности при крайне редком безбрачии и весьма раннем вступлении в первый брак. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года, средний возраст вступления в первый брак составлял 21,5 года для женщин и 23,3 года для мужчин в сельском населении, в городском же населении этот возраст составлял 23,1 для женщин и 26,6 для мужчин.[12] В возрастной группе 45-49 лет доля никогда не состоявших в браке составляла 4% для мужчин и 5% для женщин.[13]

Спустя столетие, в 1989 году, очередная перепись населения обнаружила примерно такую же ситуацию: средний возраст вступления в первый брак был равен 24,4 годам для мужчин и 22,2 годам для женщин, проживающих в городах, для жителей села этот возраст составлял 22,2 года и 20,6 года для мужчин и женщин соответственно. В 20 лет 56% женщин в сельской местности и 41 % в городах уже состояли в браке, а к возрасту 25 лет этот показатель увеличивался до 89 и 82% соответственно в сельских и городских поселениях. К возрасту 50 лет лишь от 3 до 4 % мужчин и женщин никогда не состояло в браке. Такие показатели вызывали впечатление, что демографический переход оставил в стороне брачность в России, и в конце XX века она оставалась в том же состоянии, что и 100 назад.

Выдвигалась даже гипотеза, что эволюция брачности в России в течение XX века есть только лишь отражение социальных катаклизмов, деформировавших возрастную пирамиду населения России и вызвавших дисбаланс численности последовательных поколений. Таким образом, как только демографические волны сгладятся, – брачность в СССР в целом, и в России в частности вернётся к тому состоянию, в котором она

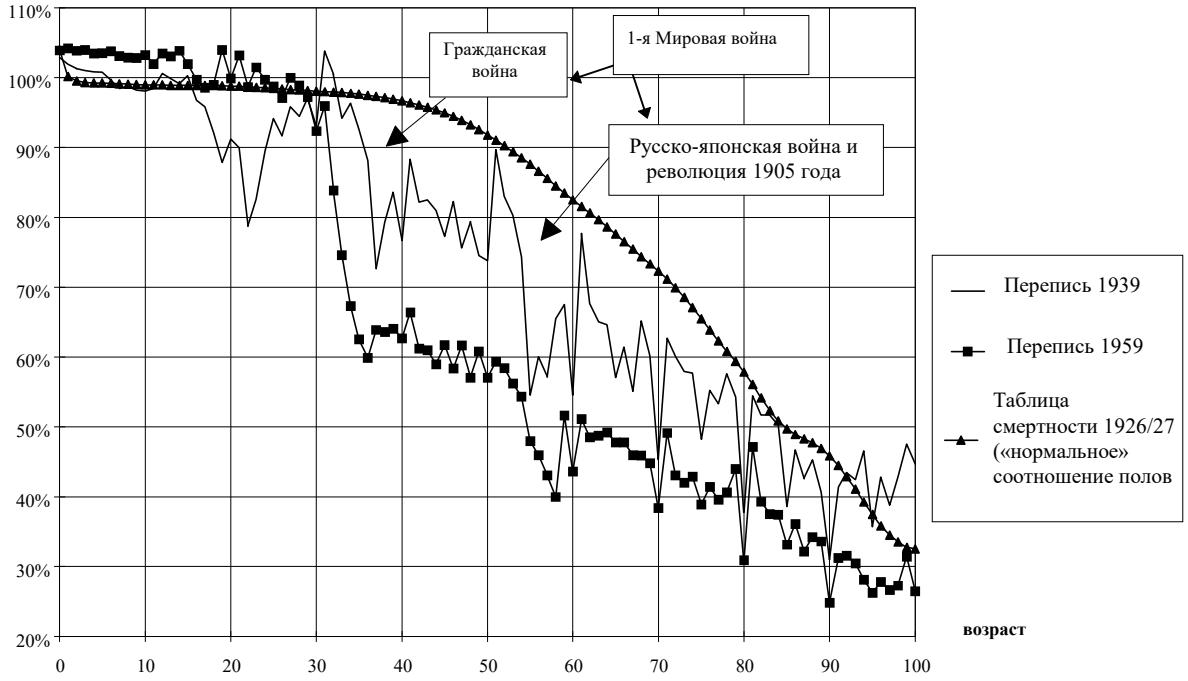
[12] На основе данных переписи населения средний возраст вступления в первый брак можно оценить по следующей формуле:

$$\frac{15 + \sum_{i=15}^{49} C_i - 35C_{50}}{(1 - C_{50})}$$; где Ci - доля никогда не состоявших в браке в возрасте i

[13] Тольц М., Брачность населения России в конце XIX- начале XX века, - в кн.: *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*. под ред. А.Г.Вишневского, Москва : « Статистика », 1977, с.140

пребывала в начале века.[14] Действительно, в XX веке население России пострадало от социальных катаклизмов, видимо, в большей степени, чем любая другая европейская страна. Потери населения СССР в Первой мировой и гражданской войнах оцениваются в 28 миллионов человек, в 27,5 миллионов человек оцениваются потери населения СССР во Второй мировой Войне.[15] Пока еще не существует адекватных оценок потерь населения по отдельным республикам бывшего СССР, но очевидно, что России была в числе наиболее пострадавших, так как активные и длительные боевые действия велись непосредственно на её территории. Во всяком случае соотношение мужчин и женщин в отдельных поколениях по данным переписей населения даёт представление о том, какое влияние на брачность могли оказать потери населения.

Рисунок 1 : ***Число мужчин на 100 женщин в России по переписи 1939 и 1959 годов в сравнении с этим показателем по таблица смертности 1926/27 годов для европейской части России:***



На рисунке 1 можно видеть, что в поколении 1925 года рождения на 100 женщин приходится 95 мужчин, затем это соотношение быстро снижается, достигая 60% в поколениях 1905-1922 годов рождения, которым было от 19 до 36 лет в начале войны. В более старших поколениях оно еще ниже, – около 40% для поколения 1900 года рождения, мужчины которого могли принимать участие как в Первой мировой и гражданской войнах, так и в Великой отечественной войне. Таким образом, женщины,

[14] См. *Воспроизводство населения СССР*. Под ред. А.Вишневского и А.Волкова. Москва: "Финансы и статистика", 1983, с.206; Дарский, Л. и Ильина, И., - Нормализация брачности в СССР. В кн.: *Демографические процессы в ССС*Р. Москва: Наука, 1990, с.26

[15] Timasheff, N.S. (1948) – « The Postwar Population of the Soviet Union *», American Journal of Sociology*, n°2, p. 148-155.

потерявшие в 1941-1945 годах своих мужей и женихов, не могли выйти замуж за людей старшего поколения, так как во всех без исключения поколениях, родившихся ранее 1927, наблюдается значительная нехватка мужчин.

Социальные катаклизмы оказывали влияние на динамику брачности не только непосредственно, через увеличение вдовства и безбрачия, вызванного потерями по преимуществу мужского населения, но и косвенно, через резкие перепады рождаемости в кризисные годы. Если средний возраст женщины при вступлении в брак отличается от среднего возраста мужчины, то при резком и одномоментном снижении (или повышении) рождаемости возникают значительные различия в численности поколений, которые как раз и предпочитают заключать взаимные браки. Если, например, мужчины в среднем женятся на женщинах моложе себя, то при резком снижении рождаемости, как это было в 1914-1919, 1933-1934 и 1942-1945 годах, вначале женихи сталкиваются с недостатком невест, а спустя некоторое время, невесты – с недостатком женихов. Но если косвенные последствия социальных катаклизмов для брачности в принципе преодолимы, то прямые потери в России оставили неизгладимый отпечаток на брачной и семейной структуре населения.

Л.Анри указывал два механизма преодоления последствий войны для брачности населения страны: первый – это повторные браки овдовевших мужчин старших поколений с военными вдовами или невестами, второй – браки с иностранцами.[16] В России оба эти механизма были блокированы. Первый – тем, что дефицит мужчин был значителен во всех без исключения поколениях, а второй – тем, что иммиграции в СССР и России практически не было, а по постановлению от 2 апреля 1947 года, действовавшему до 21 января 1954 года, браки советских граждан с иностранцами запрещались.

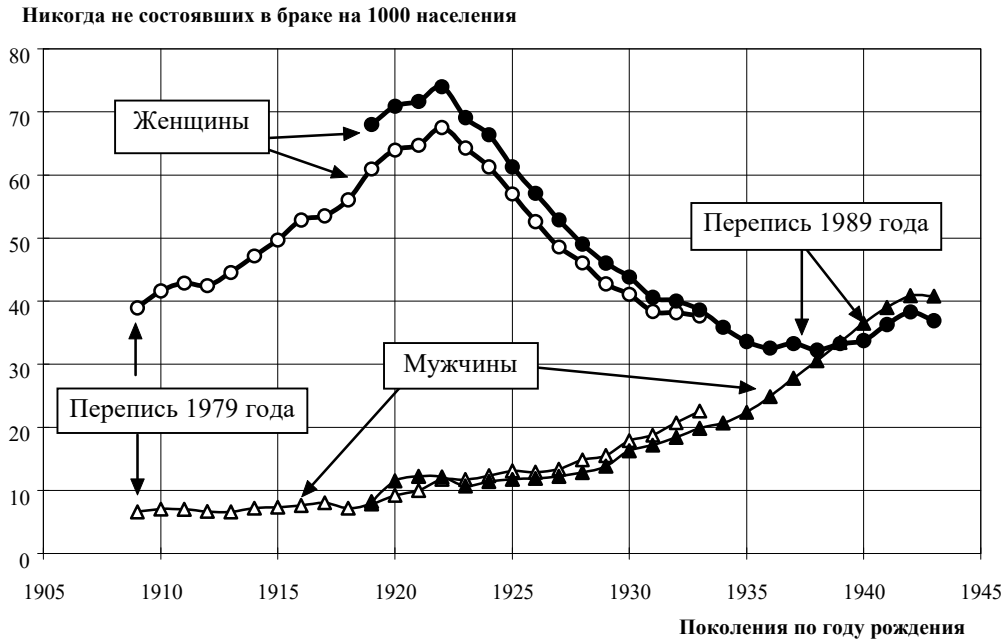
Первые послевоенные переписи (1959 и 1970 годов), видимо, для того, чтобы скрыть ужасающий масштаб женского вдовства и потерь мужского населения во Второй мировой войне, включали только две категории брачного состояния: состоит в браке и не состоит в браке. Тем не менее, перепись 1959 года показывает огромный разрыв в долях мужчин и женщин, состоящих в браке. Если почти все мужчин в возрасте 30-59 лет оказались женатыми, то доля замужних женщин в этой возрастной группе достигла лишь 60%, что намного ниже этого же показателя по переписям 1979 и 1989 годов, когда она достигла около 75%.

Переписи 1979 и 1989 годов дали информацию о всех брачных состояниях, но оценить число военных вдов по этим данным уже невозможно, так как к ним, с одной стороны, прибавились овдовевшие уже после войны, а с другой стороны, многие из потерявших мужей во время войны вступили в повторный брак, так что послевоенные брачные

[16] L.Henry – Perturbation de la nuptialité résultant de la guerre 1914-1918. *Population*, 1966, №2, p.273-332.

состояния уже достаточно перепутаны. Но тем не менее эти переписи показывают, что уровень окончательного безбрачия поколений женщин, вступивших в брачный возраст в военные годы, почти вдвое выше, чем у принадлежащих к более молодым поколениям. (рис.2)

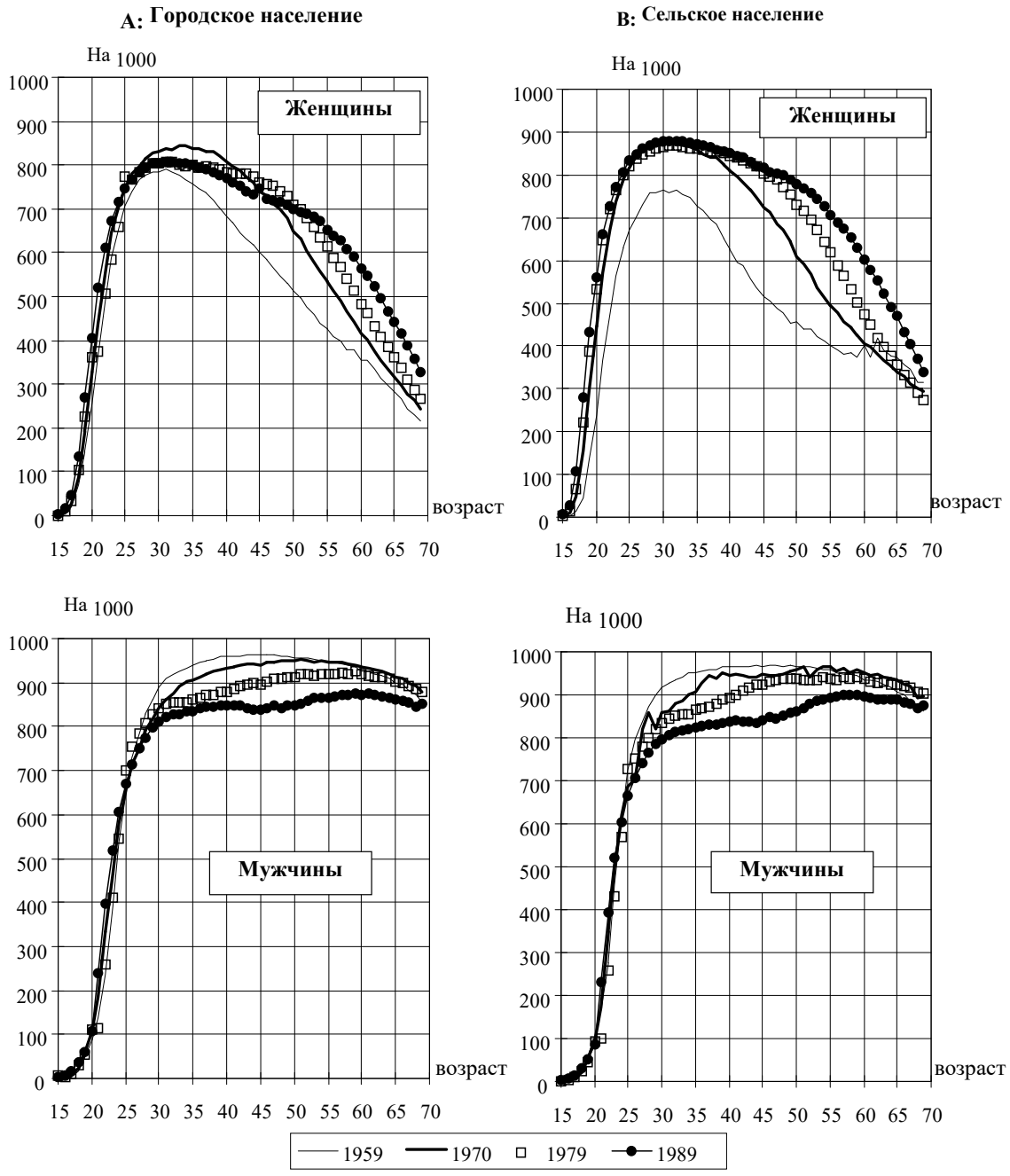
Рисунок 2 : ***Доля никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет в поколениях 1909-1941 годов рождения по переписям 1979 и 1989 годов.***



Несмотря на огромную нехватку мужчин в поколениях 1918-1926 годов рождения, доля никогда не состоявших в браке женщин ни разу не превысила 8%. Столь невысокий уровень окончательного безбрачия при значительной диспропорции полов можно объяснить только так называемой последовательной полигамией, когда один и тот же мужчина поочередно вступает в брак с несколькими женщинами. В этом случае окончательное безбрачие уменьшается, но доля женщин, действительно состоящих в браке, остается невысокой. Действительно, в поколениях, которым в 1959 году больше 30 лет, доля женщин, состоящих в браке, практически не изменялась от переписи к переписи.

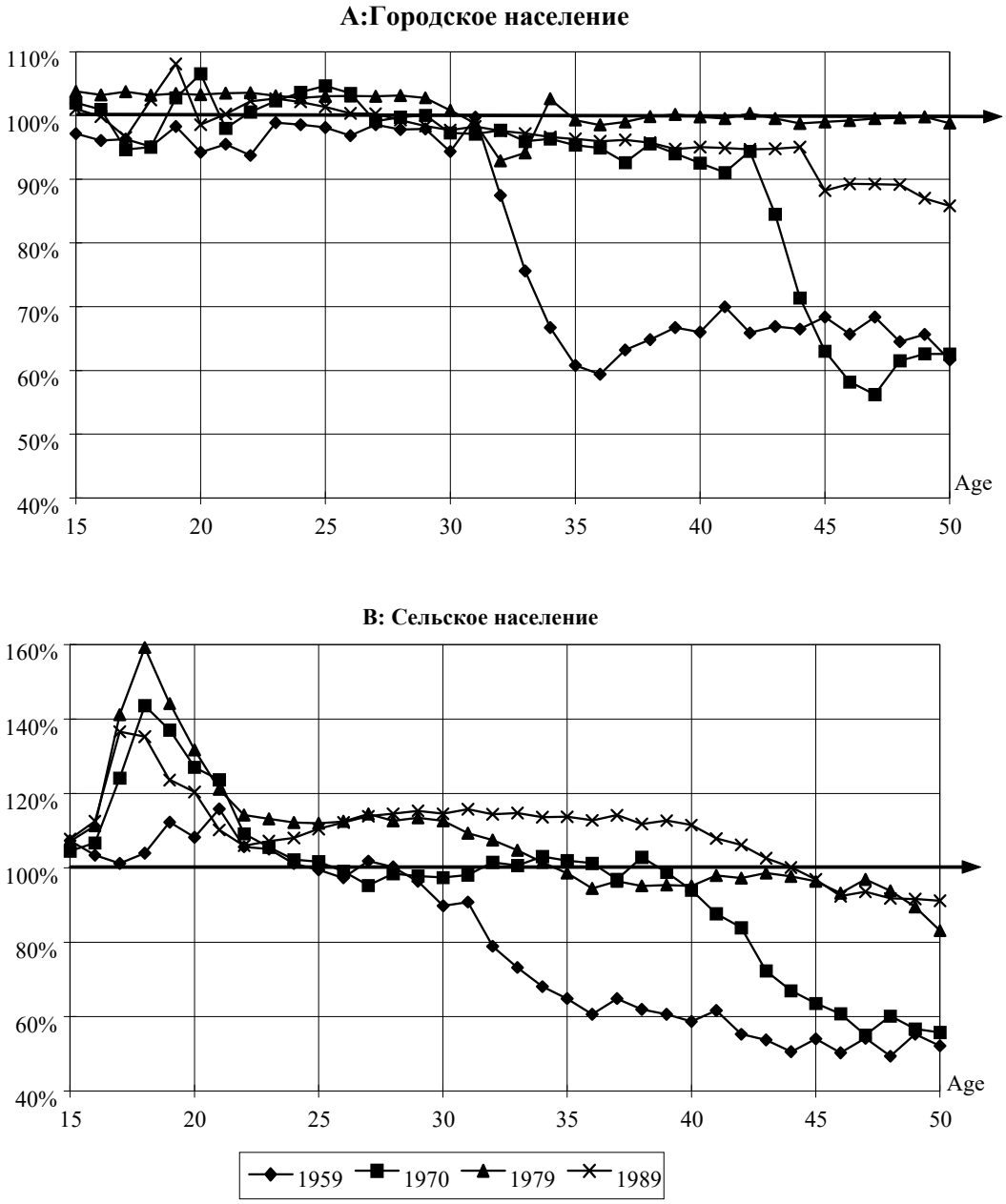
Постепенное, от переписи к переписи, повышение брачности женщин и, напротив, – уменьшение долей мужчин, состоящих в браке в средних возрастах, являются характерными чертами изменения брачности населения в послевоенный период. Видимо, уже в 1960-х годах, безбрачие вследствие развода перестало быть уделом женщин, как это было в послевоенные годы. (рис.3)

Рисунок 3 : ***Доля состоящих в браке по послевоенным переписям населения***



Отметим, что в сельском населении брачность мужчин понизилась существеннее, чем в городском. Напротив, доля женщин, состоящих в браке в возрасте старше 40 лет, постоянно росла в сельских поселениях. По всей видимости, не последнюю роль здесь сыграла механизация сельскохозяйственного труда, выталкивавшая женщин из сельской местности. Действительно, в миграционном приросте городского населения в 1960-1980 годы женщин было больше, чем мужчин, в среднем на 1 миллион в год. Результатом этого стала маскулинизации российского села, то есть образование значительного мужского перевеса в рабочих возрастах, затрудняющего вступление в брак мужчин и открывающего возможность большего выбора на брачном рынке для женщин. (рис.4).

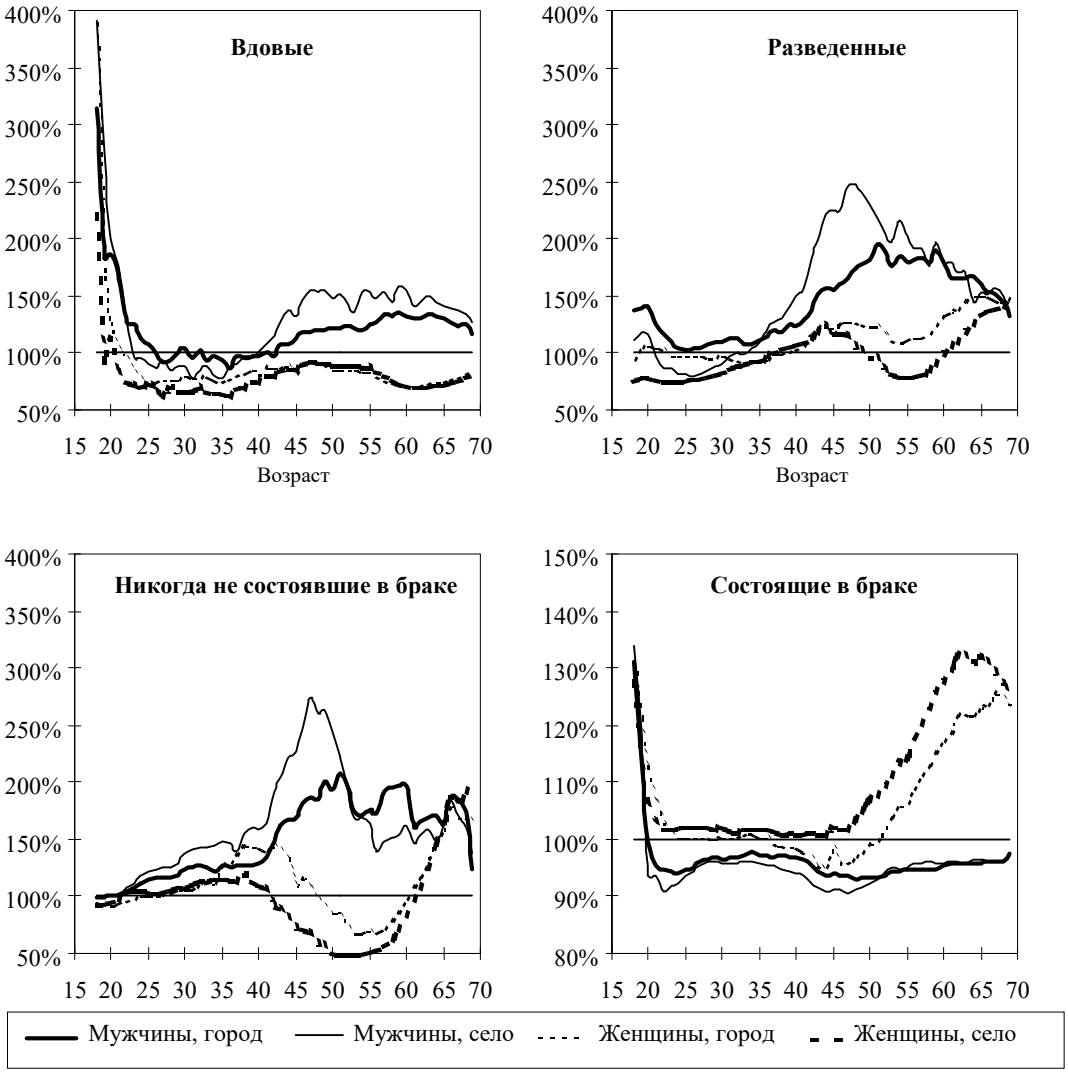
Рисунок 4 : ***Число мужчин на 100 женщин в возрасте 15-50 лет в городском и сельском населении по послевоенным переписям населения***.



Данные переписей 1979 и 1989 годов позволяют оценить частоты различных брачных состояний по отдельным возрастам. Сравнение показывает, что изменение брачности мужчин и женщин продолжало оставаться разнонаправленным. Среди мужчин в значительной степени увеличились доли разведенных и холостяков, доли вдовцов увеличились в меньшей степени, а доля состоящих в браке уменьшилась. У женщин в молодых возрастах уровень безбрачия несколько увеличился, но в возрастах старше 40-45 лет он, напротив, уменьшился, особенно в сельской местности. В целом уровень брачности повысился у всех женщин старше 20 лет, а доля разведенных среди женщин моложе 35 лет уменьшилась. Обращает на себя внимание огромное повышение уровня

вдовства, как мужчин, так и женщин, в очень молодых возрастах. Причины этого явления требуют специального изучения. (рисунок 5)

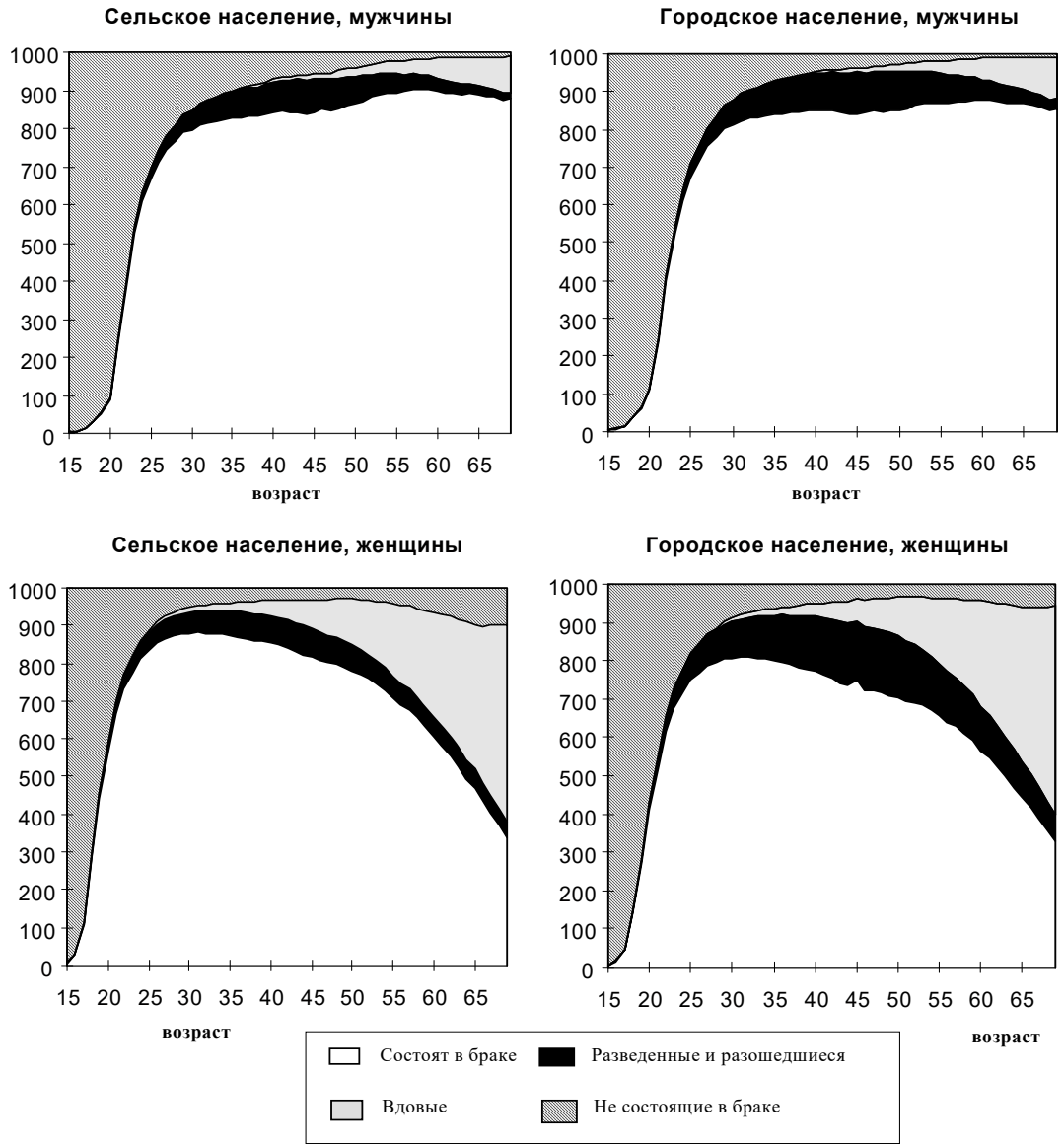
Рисунок 5 : ***Изменение частоты различных брачных состояний в России между переписями 1979 и 1989 годов (1979=100%)***[17].



Хотя окончательное безбрачие по-прежнему остается в России редким явлением, высокий уровень разводимости и вдовства приводит к тому, что доля женщин, состоящих в браке, не превышает 80 % в городах и 87% в сельской местности. Мужская сверхсмертность оказывает сильное влияние на структуру брачного состояния населения России, и уже начиная с возраста 30 или 35 лет, риск овдовения становится весьма заметным как в городских поселениях, так и в сельской местности. (Рис.6)

[17] Масштаб оси абсцисс графика, представляющего изменения брачности, увеличен для того, чтобы изменения, произошедшие в межпереписной период, были нагляднее.

Рисунок 6 : ***Структура брачного состояния городского и сельского населения России по полу и возрасту по переписи 1989 года***

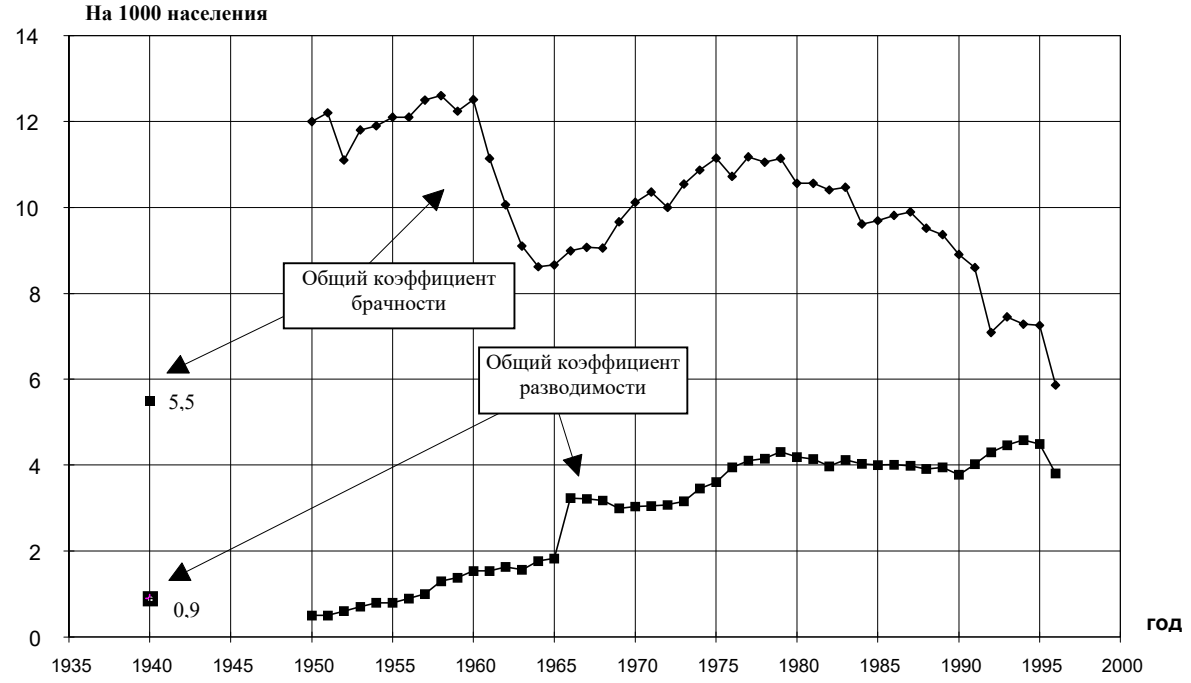


«Браки и разводы в России» (часть вторая) // *Народонаселение,* 1999 №1, с.27-43.

Общие тенденции брачности и разводимости после 1959 года

Эволюция числа браков за истекшие три десятилетия была неравномерной. После резкого падения в 1960-1964 году, в течение относительного долгого периода наблюдался рост годового числа заключенных браков в расчете на 1000 населения, а с 1977 года началось его заметное понижение. С 1987 по 1992 год годовое число браков уменьшается на 30%, в 1992-1994 показатель стабилизировался, но с 1995 он вновь начинает уменьшаться. (См.рис.7)

Рисунок 7 : ***Динамика брачности и разводимости в России, 1950-1994 (число браков и разводов на 1000 населения)***



Источник для 1940, 1950-1958 : Население СССР, 1973. Москва : « Статистика », 1973, с.151 [Nasselenie SSSR, 1973 (Population de l'URSS, 1973) Moscou, édition « Statistika », 1973, p.151]

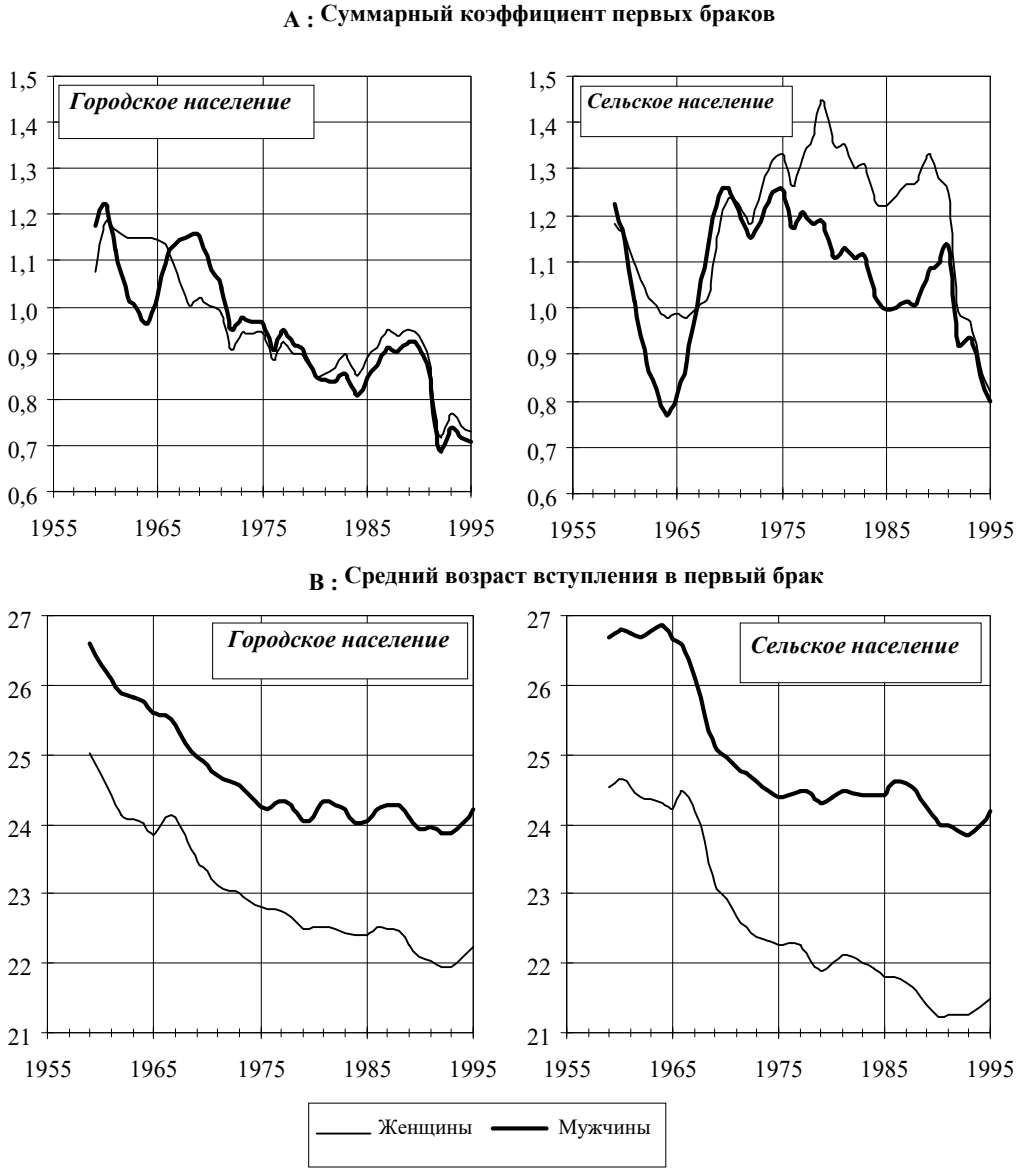
Нерегулярность эволюции общего коэффициента брачности между 1959 и 1994 годом во многом обусловлена деформацией возрастных структур населения России, вызванной Второй мировой войной. Но влияние структуры было лишь возмущающим фактором генеральной тенденции, которую в истекший период определяли снижение возраста вступления в первый брак и постарение населения.

Омоложение первых браков.

Понижение возраста вступления в первый брак, наверное, наиболее характерная черта изменений брачности в России за последние 30 лет. С 1959 года средний возраст первого брака уменьшается с 25 до 22 лет для женщин и с 27 до 24 лет для мужчин (см. рис.8 в). Наиболее выраженный характер имеет омоложение первых браков женщин в сельской местности. Что же касается мужской брачности, то её омоложение замедляется после

1969 года и к концу 1970-х годов практически останавливается. Браки же женщин сохраняют эту тенденцию вплоть до 1994 года. Вследствие этой непараллельности трендов, разрыв между средним возрастом жениха и невесты при вступлении в первый брак увеличивается.

Рисунок 8 : ***Суммарный коэффициент первой брачности и средний возраст вступления в первый брак. Россия, городское и сельское население, 1959-1994***



Снижение среднего возраста вступления в брак долгое время удерживало суммарный коэффициент первых браков на уровне, превышающем единицу. В начале 1980 годов этот показатель стал ниже единицы, что свидетельствовало об определенной стабилизации брачного поведения поколений. Принятие мер семейной политики в начале 1980-х годов не оказало значительного влияния на динамику этого показателя, но горбачевская перестройка в конце этого десятилетия отмечена его существенным ростом, особенно в сельской местности. Стремительный переход России к рыночной

экономике после распада СССР сопровождался существенным уменьшением числа браков – на 12% с 1991 по 1995 год, при этом суммарный коэффициент первой брачности понизился с 0,959 до 0,815 (рис.8а).

Если динамика среднего возраста первых браков говорит об общем направлении изменения брачного поведения, то динамика суммарного коэффициента первых браков во многом отражает влияние дисбаланса полов поколений, вступающих в брачный возраст. В 1964 году конъюнктурный индекс первой брачности мужчин уменьшается на 25% (21% в городских поселениях и 33% - в сельских), но спустя 5 лет он вырастает на 32% (19% в городских поселениях и 61% - в сельских). Эти колебания могут быть объяснены достаточно просто, если сравнить средний возраст первого брака женщин и мужчин. В начале 1960 годов многочисленное поколение мужчин, родившихся перед Великой отечественной войной, искало невест среди малочисленных поколений, рожденных в период войны (когда число рождений уменьшилось вдвое за два года). Из-за нехватки женщин мужчины испытали некоторые затруднения с вступлением в брак, что вызвало временное снижение конъюнктурного индикатора первых браков для мужчин. В этой ситуации, для того, чтобы компенсировать недостаток женщин, мужчины были вынуждены искать невест в более многочисленных поколениях, родившихся после войны, что вызвало увеличение разрыва возраста жениха и невесты. К концу 1960 годов, наоборот, мужчины малочисленных поколений, рожденных во время войны, оказались в дефиците на брачном рынке, что на некоторое время блокировало женскую первую брачность и, в то же время, – подбросило вверх конъюнктурный индикатор первой брачности мужчин. Отметим, что данный пример классической реакции первой брачности на деформацию возрастных структур представляет для России не только чисто исторический и академический интерес. Резкое увеличение числа родившихся в середине 1980-х годов должно вызвать примерно такую же ответную реакцию брачности в начале XXI века, если общие тенденции матримониального поведения не претерпят коренных изменений.

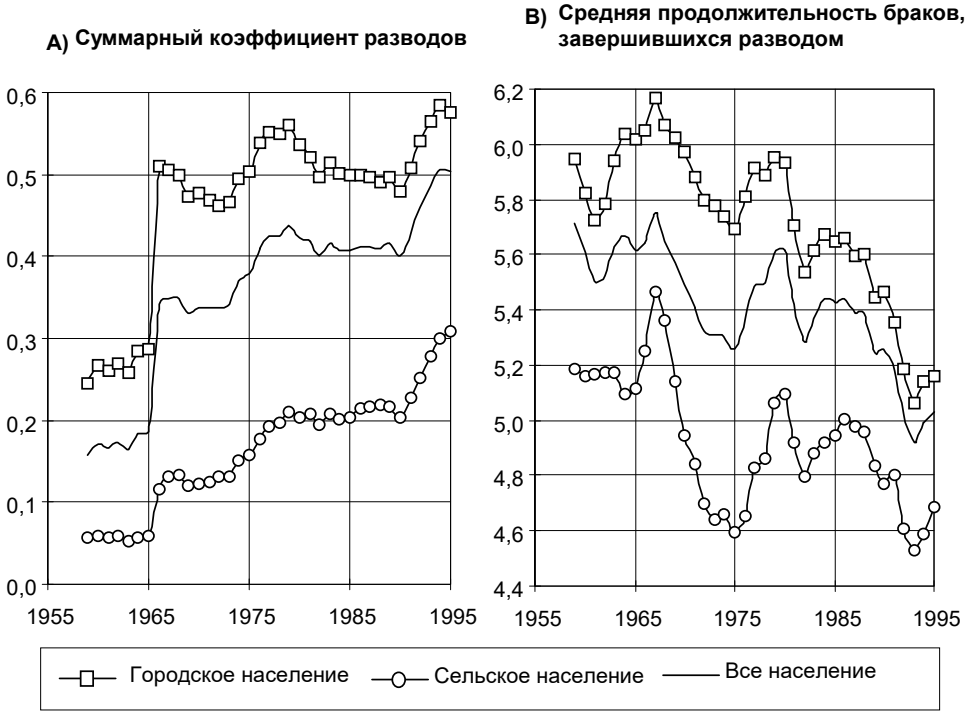
Рост разводимости и уменьшение средней длительность брака при разводе.

За последние годы существенно увеличился общий коэффициент разводов не только из-за увеличения числа состоящих в браке (эффект структуры), но и за счет глубоких изменений в поведении. Классический суммарный коэффициент разводов, или конъюнктурный индикатор, относящий число последних к количеству браков, которые их продуцируют, показывает резкий рост разводимости. Частота разводов увеличилась с 25% в начале 1990 годов до 50% в 1993, то есть, в терминах поперечного анализа, каждый второй брак заканчивается разводом.

Изменения разводимости городского и сельского населения отличаются друг от друга. Если в городах суммарный коэффициент разводов достиг уровня 50% уже в 1965 году, а

затем, до начала 1990 колебался около этой величины, то в сельской местности разводимость стабильно росла до начала 1980 годов. Таким образом, динамика этого показателя во всем населении России определялась в основном изменениями поведения сельского населения. С начала же 1990-х годов разводимость начала расти как в городах, так и в сельской местности, но на селе темпы роста были более высокими, чем в городе.

Рисунок 9 : ***Суммарный коэффициент разводимости (по длительности брака) в городских и сельских поселениях. Россия, 1959-1995)***



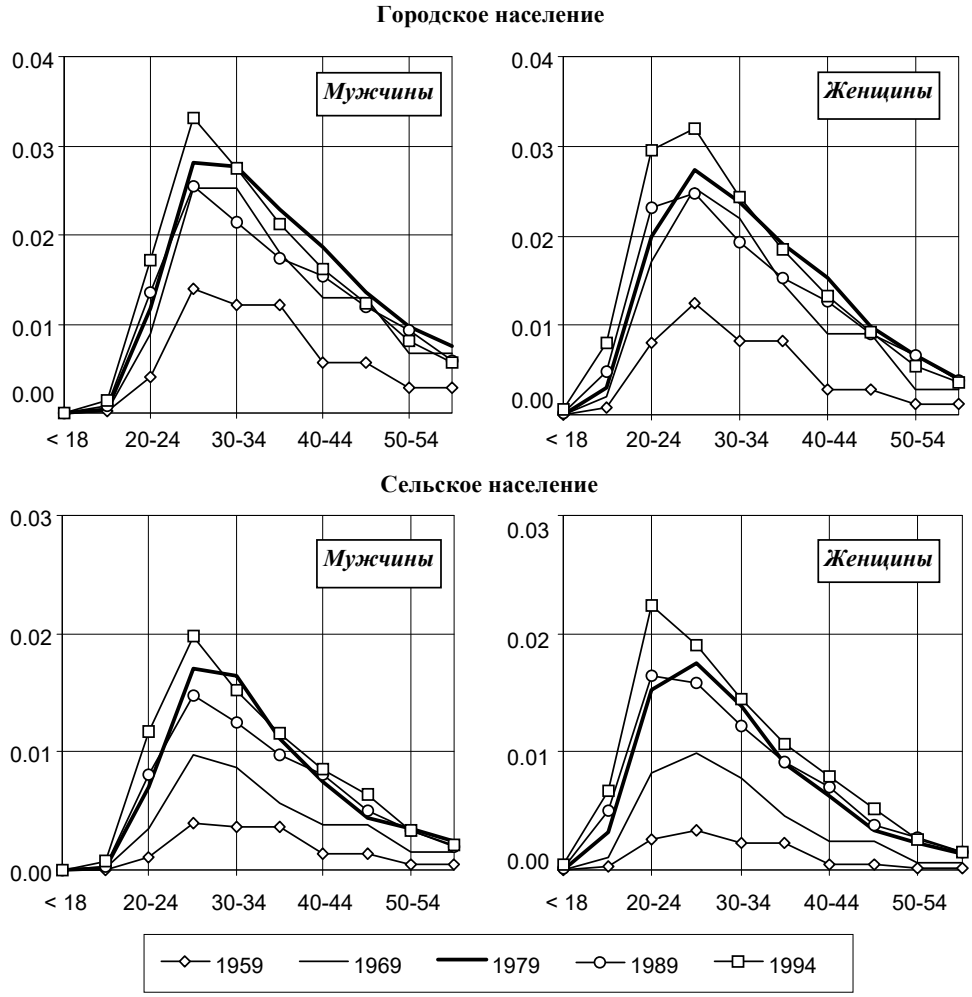
Существенные изменения претерпела и средняя продолжительность браков, завершившихся разводом. В момент либерализации законодательства о разводах наблюдалось повышение средней длительности распадавшихся браков, видимо, объяснявшееся тем, что регистрировались разводы, оформление которых было затруднено правилами, существовавшими до 1965 года. В особенности это характерно для сельской местности, где затруднения были особенно велики из-за удаленности от центров, в которых находились суды первой и второй инстанции. Затем, с 1967 по 1975 год, произошло весьма заметное уменьшение средней длительности брака, сменившееся новым, кратковременным её увеличением, а с 1985 она вновь начинает быстро снижаться. Объяснение этих колебаний требует проведения специального исследования, а пока о его причинах можно только гадать.

Омоложение разводов

В течение исследуемого периода разводы имели тенденцию молодеть не только относительно длительности брака, но и в отношении возраста разводящихся. В 1959 году разводы достаточно равномерно распределялись вокруг возраста 25-35 лет. Затем, как у

мужчин, так и у женщин, как в городском, так и в сельском населении, начинается рост возрастных коэффициентов разводов, особенно сильный в возрасте 20-29 лет. При этом и в городском, и в сельском населении омоложение разводящихся женщин значительнее омоложения разводящихся мужчин. (рис.10). По-видимому, это обусловлено одновременно как снижением среднего возраста вступления в первый брак, так и уменьшением средней длительности браков, завершающихся разводом.

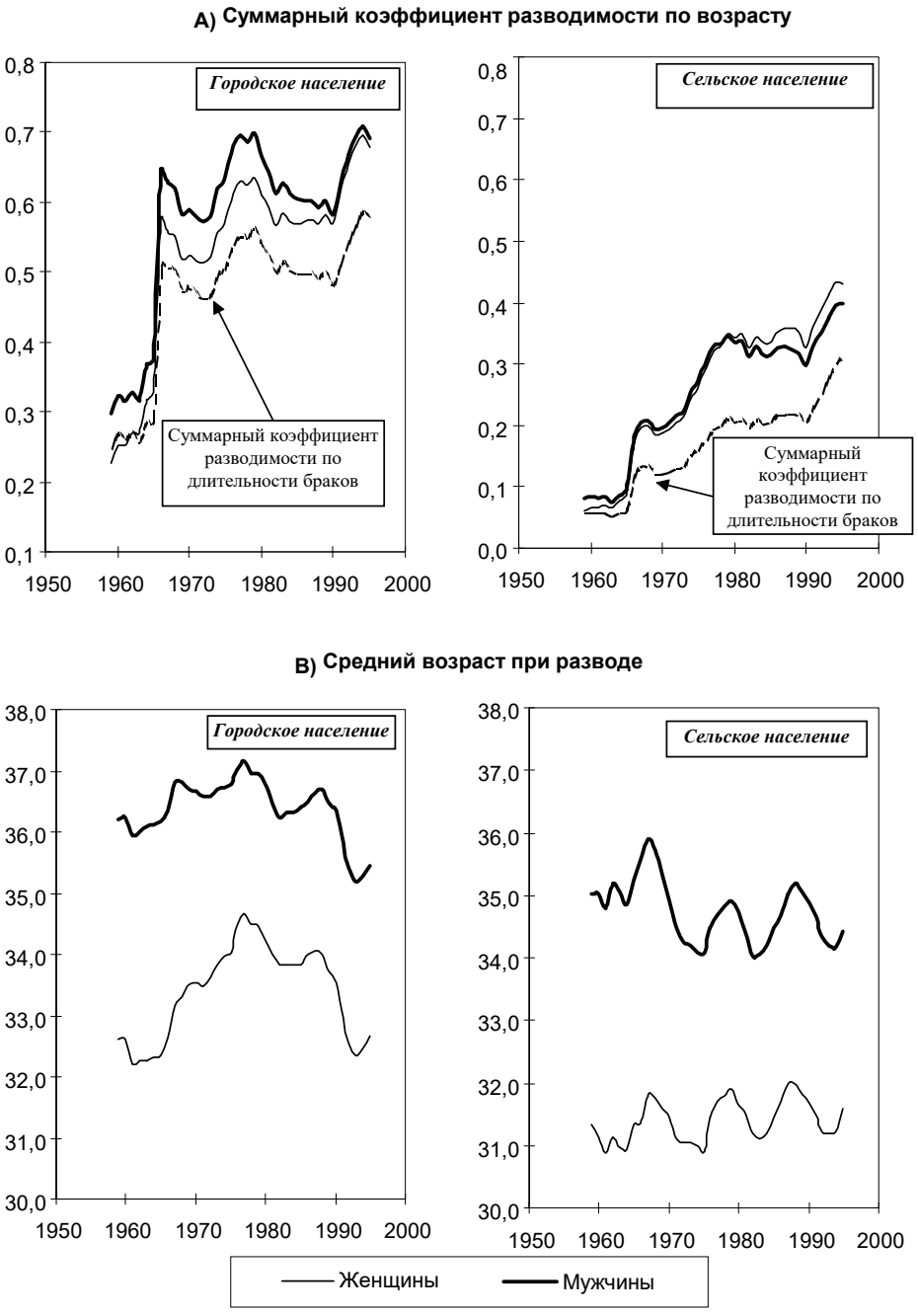
Рисунок 10 : ***Изменения возрастной структуры разводимости в России (городское и сельское население, 1959-1994)***



Учитывая, что группировка разводов по длительности брака в русской статистике недостаточно хороша, мы использовали в качестве конъюнктурной характеристики разводов сумму возрастных коэффициентов разводов (отношение числа разведшихся в определенном возрасте к численности лиц этого возраста всех брачных состояний). Этот показатель можно интерпретировать (аналогично суммарному коэффициенту рождаемости) как среднее число разводов на одного мужчину или одну женщину в течение их жизни и таким, косвенным, образом оценить уровень разводимости (рис.11а). Отметим, что этот показатель имеет определенные преимущества при сравнении уровня

разводимости в городских и сельских поселениях, тогда как расчет классического показателя может дать существенное смещение результатов из-за интенсивной миграции из села в город.

Рисунок 11 : ***Суммарный коэффициент разводимости во возрасту Россия, городские и сельские поселения. 1959-1995***



До последнего времени сумма возрастных коэффициентов разводимости была несколько выше у мужчин, чем у женщин, для населения России в целом, но этот разрыв маскирует существенные различия между городским и сельским населением. В 1959 году этот показатель был на 30% выше для мужчин, чем для женщин, как в городах, так

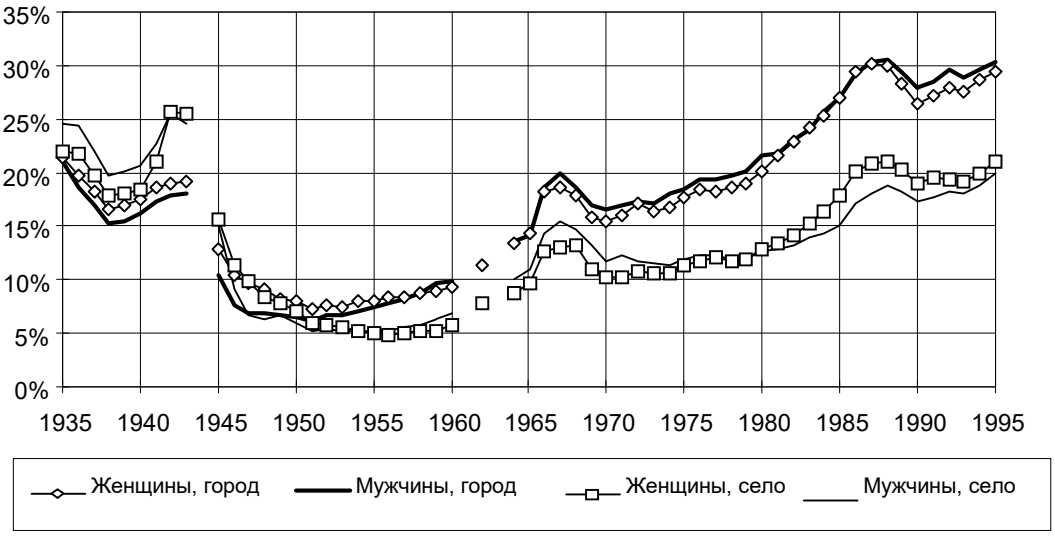
и в сельской местности. Затем эта разница уменьшается: в 1964 году она достигает 13% для городского населения и 8% для сельского.

В 1979 году в сельских поселениях сумма возрастных коэффициентов разводимости мужчин становится ниже, чем у женщин. Эта разница продолжает увеличиваться, достигая 10% к концу 1980-х годов. Безусловно, данная ситуация отнюдь не говорит о меньшей склонности мужчин к разводу (для развода нужна пара), но свидетельствует о наличии «мужского перевеса» в сельском населении и существенных различиях матримониальных структур по полу. (См. рис.4). В городском населении мы наблюдаем тот же феномен, но в более умеренном выражении: в 1993 году сумма коэффициентов разводимости была почти одинакова для обоих полов. Средний возраст при разводе также уменьшается, хотя в целом эта тенденция не столь однозначна, как следовало бы ожидать, так как уменьшение среднего возраста при разводе сильно тормозится ростом разводимости в старших возрастах. (рис.11в)

Рост повторных браков

Несмотря на высокую разводимость, в России, кажется, не принято оставаться вне брака. Об этом свидетельствует высокая доля повторных браков, составляющая в настоящее время 30% всех заключаемых браков в городах и 20% – в сельской местности. (рис.12).

Рисунок 12: ***Доля повторных браков в городах и сельской местности России, 1935-1995***



Повторные браки в России были не редкостью до 1944 года, но сразу после ограничения разводов их доля уменьшается практически в 5 раз в течение 5-6 лет, затем она вновь неуклонно растет, превышая довоенный уровень к концу 1980-х годов, а затем стабилизируется. Таким образом, повторные браки в настоящее время поддерживают

относительно высокую долю состоящих в браке, как в городе, так и в сельской местности.

Устойчивость модели брачного выбора.

Искажения возрастной структуры населения вследствие социальных катаклизмов, казалось бы, должны привести к изменениям моделей брачности отдельных поколений. Уже отмечалось, что при недостатке брачных партнеров в тех поколениях, между которыми обычно заключаются браки, поиск жениха или невесты может вестись среди представителей других, более молодых или более старших поколений. В пользу этого предположения говорят и здравый смысл, и сильно искаженная динамика демографических характеристик первой брачности. Таким образом, можно предположить, что соотношение возрастов женихов и невест должно претерпевать значительные изменения в зависимости от соотношения полов в соседних поколениях, и ситуация может быть в этом плане стабильной только в случае, если в брак вступают всегда со своим ровесником. Чтобы сказать, действительно ли мужчины определенного возраста при дисбалансе полов на брачном рынке начинают жениться на более молодых или более старших женщинах, недостаточно лишь сравнения средних возрастов всех вступающих в брак мужчин и женщин, так как они представляют собой две совокупности, никак теоретически никак не связанные между собой. Чтобы установить эту связь, необходимо сравнить возраст жениха и невесты в реально образующихся парах.[18] Такую возможность даёт российская статистика, хотя группировка вступающих между собой в брак мужчин и женщин по пятилетним возрастным группам и накладывает определенные ограничения. Действительно, среди вступивших между собой в брак мужчин и женщин в возрасте, например, 20-24 лет можно найти и браки ровесников, и браки с разницей в возрасте в 5 лет, а 5 лет – это уже существенно в данном случае.

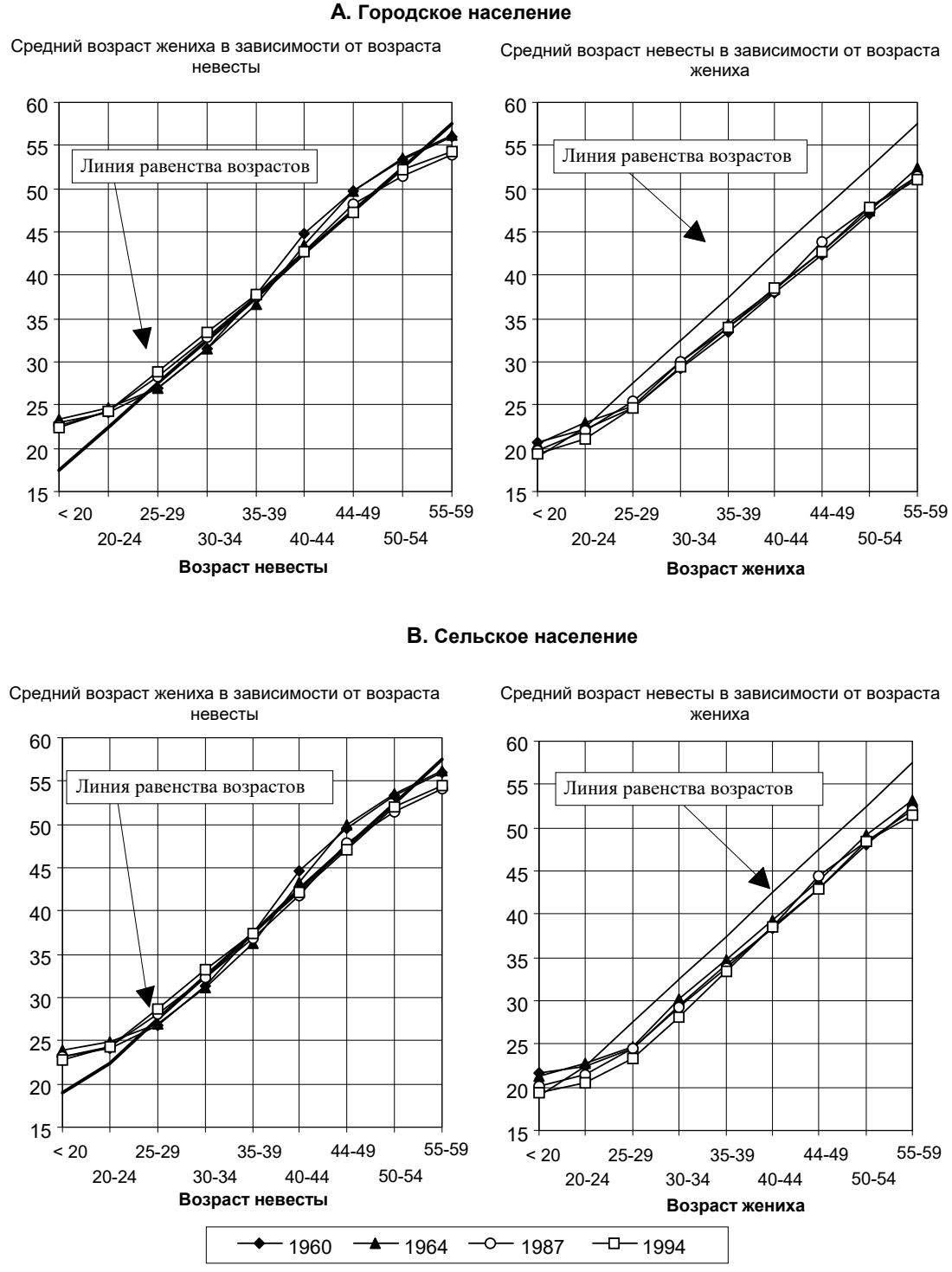
Тем не менее, мы попытались сделать такое сравнение отдельно для вступающих в брак мужчин и женщин, сведя пятилетние возрастные интервалы к среднему возрасту в этом интервале. В результате оказалось, что средние возраста брачных партнеров для каждой из возрастных групп демонстрируют удивительную устойчивость и практически не изменяются, несмотря на существенные колебания конъюнктурных показателей брачности (рис.13).

Отметим, что хотя для каждой пары разница в возрасте между мужем и женой и между женой и мужем одинакова самым естественным образом, при сравнении средних разница во возрасте женихов и невест будет различаться по полу. Действительно,

[18] См. об этой проблеме : Máire Ní Bhrolcháin – The age difference between partners: a matter of female choice? Paper prepared for the meeting on « Age – Between Nature and Culture» organised by the IUSSP Working Group on Biology, Culture and Population, Rostock, 29-31 May 1997.

средний возраст женщин, вышедших замуж, например, в возрасте 35-39 может отличаться от среднего возраста мужчин, женившихся на женщинах 35-39 лет. Таким образом, данные, представленные на рисунке 13, можно интерпретировать следующим образом: мужчины каждой возрастной группы, как правило, женятся на женщинах в среднем более молодых, тогда как женщины каждой возрастной группы выходят замуж за мужчин, чей средний возраст примерно такой же.

Рисунок 13: ***Различия возрастов, вступивших в брак в 1960, 1964, 1987, 1994 годах***



Выбранные для сравнения годы существенно отличались конъюнктурными показателями брачности и первых браков, тем не менее итог брачного поведения – «кто с кем вступает в брак» – практически не меняется. То есть культурно-демографическая модель брака оказывается весьма устойчивой, и конъюнктурные пертурбации брачного рынка обусловливают лишь то, что вступление в брак отдельных поколений оказывается более растянутым во времени или, наоборот, более сжатым.

Наши построения основываются на данных о браках всех порядков, хотя, возможно, если рассмотреть в отдельности первые и повторные браки, картина может меняться. Требует проверки гипотеза о том, что если какое-то поколение испытывает дефицит своих предпочитаемых брачных партнеров, то его брачное поведение может быть более агрессивным, направленным на отбивание партнеров у других, уже состоящих в браке. Таким образом включается механизм последовательной полигамии, которая дает возможность псевдо-решения проблемы вступления в брак. К сожалению, существующая государственная статистика браков и разводов не дает возможности проверить эту гипотезу, и тут требуются специальные исследования.

Новые черты брачного и семейного поведения: появление или проявление.

За последние десятилетия взгляд на объект исследования при изучении проблем брачности очень сильно изменился. Сегодня уже невозможно изучение первых браков или разводов без того, чтобы включить их в более широкий поведенческий контекст. Вступление в брак лишь этап сложного процесса установления сексуальных отношений и формирования общего домохозяйства, изучаемого современной демографией. В современном мире брак является лишь официальным оформлением пары, хотя сама пара формируется, как правило, задолго до этого момента, а сложившаяся еще в прошлом веке парадигма статистического наблюдения брачности не позволяет напрямую измерять это сложное явление. Тем не менее, его можно оценить косвенным образом, через распространенность устойчивых добрачных сексуальных отношений, внебрачных и добрачных зачатий. Что же касается сожительств, или незарегистрированных браков, то об их распространенности в России можно судить лишь по данным отдельных выборочных исследований и микропереписи 1994 года.

Добрачные зачатия.

Официальный образ сексуальной жизни в СССР характеризовался некоторым пуританизмом. Но по мере того как появлялись данные специальных исследований, становилось ясно, что сексуальные отношения до брака имеют достаточно широкое распространение. Еще в начале 1970 годов Л. Дарский отмечал, что ослабление традиционного запрета добрачных половых связей приводит к увеличению их распространенности, «причем часто это просто растянутый во времени процесс вступления в брак, когда начало половых отношений предшествует формальному и

фактическому заключению браков. В результате беременности часто возникают еще до заключения брака, и в этом случае возникновение беременности стимулирует заключение брака, который в другом случае был бы заключен позже. »[19] Эти положения были подтверждены результатами исследования Марка Тольца, который на широкой статистической базе показал, что в 1966 году в г. Перми 32,1% всех родившихся в городе были зачаты вне брака, из них 15,2% родилось в первые 8 месяцев брака, 4,4% – у родителей, вступивших в зарегистрированный брак после рождения ребенка (но до регистрации этого рождения), и 12,5% – у женщин, которые не состояли в браке в 1966 году. При этом, если доля родившихся в первые 8 месяцев брака среди всех рождений составляла 18,5%, то среди первых рождений она увеличивалась до 29,2%. По возрастам доля рожденных в первые 8 месяца брака среди первых рождений варьировала от 52,9% в возрасте 17-19 лет до 31,3% в 40-44 года. Такое положение вещей М.Тольц интерпретировал как юридическое оформление фактически сложившихся отношений, стимулированное наступившим зачатием.[20] Что касается старших возрастов, то здесь по мнению М.Тольца “одной из причин регистрации брака после рождения ребенка выступает пребывание одного из фактических супругов в нерасторгнутом юридическом браке с третьим лицом.”[21] Рождение ребенка таким образом ускоряет расторжение прежнего и заключение нового брака.

Государственная статистика России не дает возможности для прямой оценки распространенности добрачных зачатий, но оценить её косвенно можно на основе сравнения среднего возраста вступления в первый брак и среднего возраста матери при рождении первого ребенка. Результаты подобного сравнения кажутся ошеломляющими. В 1959 году средний возраст матери при рождении первого ребенка был **ниже** среднего возраста вступления женщины в первый брак на 7 месяцев в городах и на 9 месяцев в сельской местности. Эта ситуация сохраняется в сельской местности до конца 1960-х годов. В последующие десятилетия средний возраст вступления в первый брак для женщин становится ниже среднего возраста при рождении первенца, но тем не менее разница остается небольшой: 9-10 месяцев в городах и 2-3 месяца в сельских поселениях. Эти сравнения позволяют сделать вывод, что в течение всего рассматриваемого периода, то есть с начала 1960 годов, включение молодежи в сексуальные отношения начиналось достаточно рано и, по всей видимости, задолго до регистрации брака. Учитывая, что до середины 1980-х годов в России и в СССР основным методом внутрисемейного ограничения рождаемости был искусственный аборт, а эффективные средства предупреждения беременности практически были

[19] Л.Е.Дарский, 1972 - *Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование*, Москва: « Статистика », 1972, с.65

[20] М.С.Тольц «Характеристика компонентов рождаемости в большом городе». В кн.: *Демографический анализ рождаемост*и. Москва: «Статистика », 1974, с.45-55.

[21] М.С.Тольц – указ. соч. с.50

неизвестны, можно предположить, что молодые люди из страха остаться бездетными дорожили первой беременностью, даже если они еще не были социально готовы к родительство. Поэтому при наступлении беременности или при высоком риске её наступления женщины, особенно в начале 1960-х годов, стремились зарегистрировать брак, так как только это давало юридические гарантии материальной ответственности отца ребенка.

Внебрачные рождения.

Доля внебрачных рождений в 1959 году составляла 14% от числа родившихся (12% в городе и 16% в сельской местности), затем она несколько уменьшалась и достигла минимального значения – 11% к концу 1970-х годов (9% в городах и 14% в сельской местности), а затем начала быстро расти, достигнув в 1995 году 21%. При этом ускоренный рост доли внебрачных рождений отмечается с начала 1980-х годов, когда происходило увеличение рождаемости, в особенности за счет вторых, третьих и четвертых рождений, причем именно в этот период в России началось широкое распространение эффективных противозачаточных средств, в особенности внутриматочных контрацептивов. Практически в течение всего рассматриваемого периода в сельских поселениях доля внебрачных рождений была выше, чем в городских. Но в результате начавшегося с конца 1980-х годов ускоренного роста внебрачной рождаемости в городских поселениях, в 1995 году доля внебрачных рождений в городском и сельском населении становится одинаковой (Рис.14).

Отметим, что с 1944 до 1966 года, в соответствие с пунктом 20 раздела V Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944, мать, не состоящая в браке, лишалась права обращаться в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка.[22] Кроме того, в свидетельстве о рождении ребенка, родители которого не состояли в зарегистрированном браке, в графе записи об отце ставился обязательно прочерк, и таким образом ребенок до получения паспорта должен был носить клеймо незаконнорожденного и «безотцовщины».

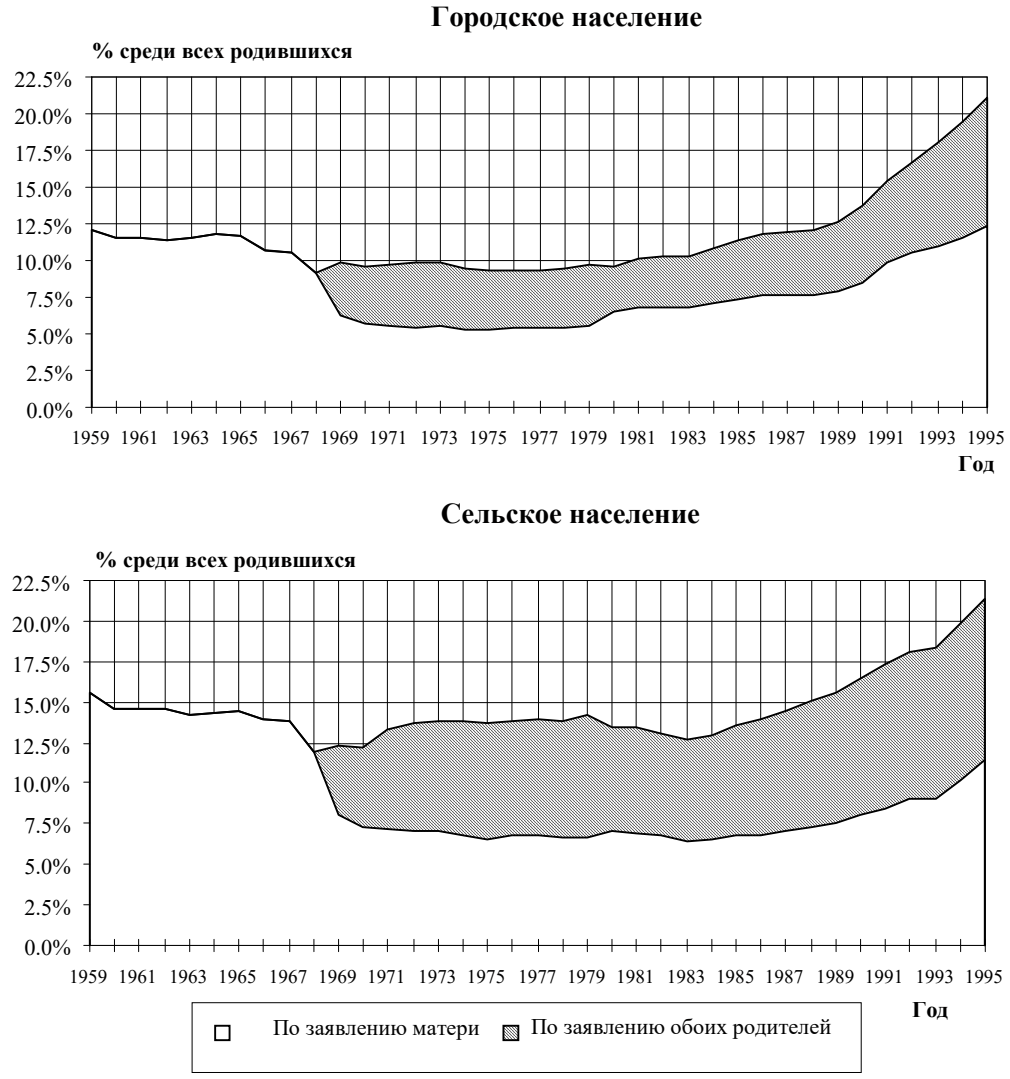
Кодекс о браке и семье 1969 года, позволял заполнять эту графу, если родители не состояли в зарегистрированном браке[23]. Статистика рождаемости до этого момента знала две категории родившихся: “родившиеся у состоящих в браке” и “родившихся, в акте о рождении которых отсутствует запись об отце”, сумма которых совпадала с общим числом родившихся. Начиная же с 1969 года, их сумма стала меньше общего числа

[22] См. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного совета СССР 1938-1944 гг., Издание «Ведомостей Верховного Совета СССР», Москва, 1945, с. 234

[23] В случае, если родители не состояли в зарегистрированном браке, запись об отце делалась на основании совместного заявления отца и матери или на основе судебного решения об установлении отцовства. При отсутствии этих двух условий мать имела право указать в графе запись об отце любое имя и отчество и свою фамилию. Раздел III, глава 7, ст.49 Кодекса о семье и браке РСФСР, 1969 года.

родившихся, учтенных независимо от брачного состояния родителей; эту разницу можно интерпретировать, конечно, с большой осторожностью, как число родившихся у супругов, не состоящих в зарегистрированном браке. С 1988 года в статистической отчетности появилась третья категория: «родившиеся у женщин, не состоящих в браке, и зарегистрированные по совместному заявлению родителей». В сумме эти три категории вновь стали совпадать с общим числом родившихся.

Рисунок 14: Изменение доли родившихся вне брака, зарегистрированных по заявлению матери и обоих родителей



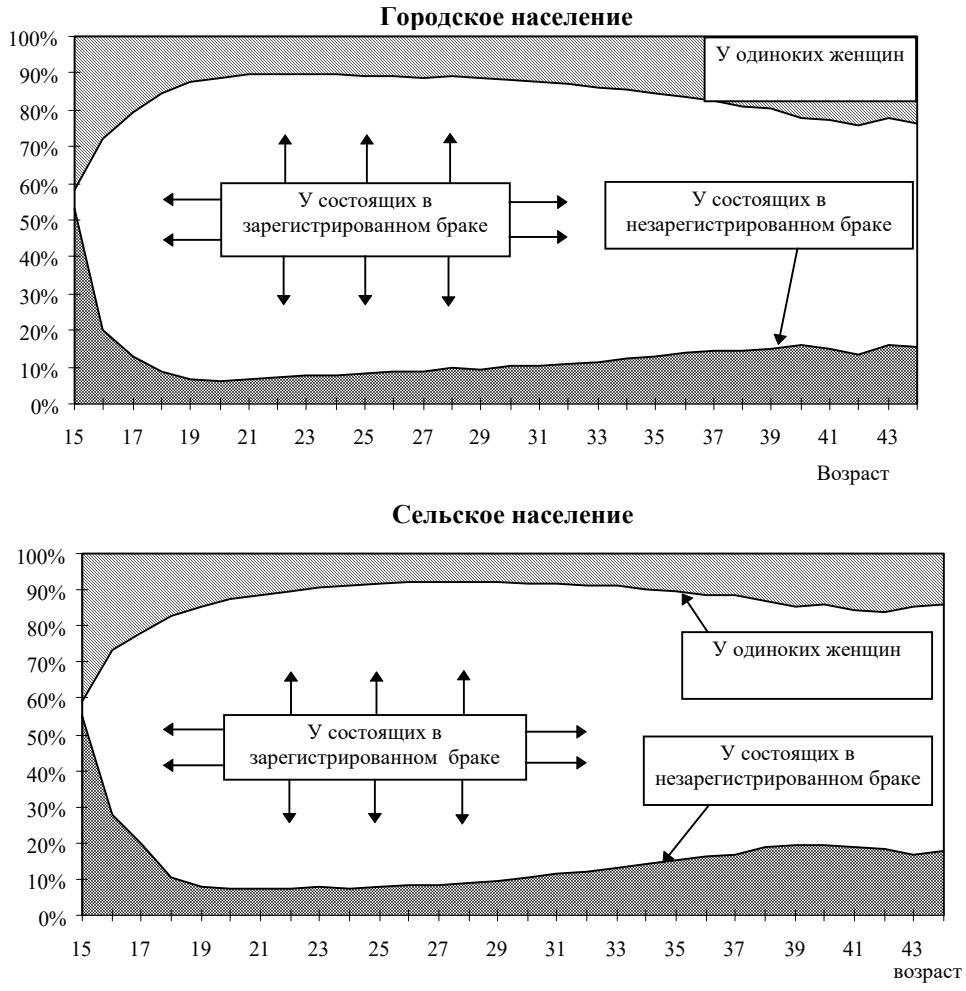
Доля детей, зарегистрированных по заявлению обоих родителей, дает определенное представление о распространенности устойчивых, но не оформленных как брак союзов среди рожающих женщин. [24] С 1969 по 1995 доля детей, зарегистрированных по заявлению обоих родителей, среди всех рожденных вне брака, колебалась от 35 до 50%,

[24] Комментарии к этой проблеме см. А.М.Белякова и Е.М.Ворожейкин – *Советское семейное право*. Москва: «Юридическая литература», 1974, с.191-192.

в среднем же за истекшие четверть века она составила 39% в городах и 49% в сельской местности.

Внебрачные рождения чаще всего встречаются в молодых и старших возрастах. В 1995 году в сельской местности лишь половина женщин моложе 18 лет, родивших ребенка, состояла в браке, и только 60% - в городских поселениях. При этом, доля рождений, зарегистрированных по заявлению одной матери, выше, чем доля зарегистрированных по заявлению обоих родителей. В старших возрастах большинство внебрачных рождений в сельской местности регистрируются по заявлению обоих родителей, а в городе – по заявлению матери. (рис.15)

Рисунок 15: Распределение родившихся по возрасту матери в зависимости от её брачного состояния. Россия, 1995



Поскольку переписи дают информацию о брачном состоянии населения по отдельным возрастам, появляется возможность рассчитать суммарный коэффициент рождаемости по состоянию в браке и, таким образом, элиминировать влияние структурных факторов на общую тенденцию. Для обеспечения полной сравнимости показателя, все брачные состояния были сведены к двум: «состоит в браке» и «не состоит в браке», так как

переписи 1959 и 1970 года включали только эти две категории. При расчете все рождения, зарегистрированные по заявлению одной матери, относились к женщинам, которые заявили на переписи, что не состоят в браке, с разбивкой по пятилетним возрастным группам. Результаты расчета, представленные в таблице 1, свидетельствуют об уменьшении суммарного коэффициента внебрачной рождаемости и о её омоложении, что в целом соответствует общим тенденциям рождаемости без учета брачной структуры населения. Тем не менее, если между переписями 1959 и 1970 годов внебрачная рождаемость уменьшалась, то начиная с1979 года наблюдается её более быстрый рост и более медленное снижение по сравнению с общим показателем. Действительно, между 1959 и 1970 годом, внебрачная рождаемость уменьшилась вдвое, тогда как общий показатель снизился только на 16% в городском и на 25% в сельском населении. А между 1979 и 1989 годами общая рождаемость выросла на 13% в городах и на 8% в сельской местности, тогда как внебрачная – на 13% и на 26% соответственно. В последние годы, внебрачная рождаемость уменьшалась медленнее, нежели общая. Если последняя снизилась вдвое, то внебрачная только на одну треть.

Таблица 1 : Суммарный коэффициент рождаемости по брачному состоянию женщин и средний возраст матерей, родивших вне брака

	Суммарный коэффициент внебрачной рождаемости		Средний возраст матери, родившей вне брака		Суммарный коэффициент рождаемости без учета брачного состояния	
	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1958-1959	0.847	1.608	30.19	29.94	2.07	3.38
1969-1970	0.359	0.849	29.63	29.84	1.73	2.53
1979	0.359	0.708	27.44	28.54	1.67	2.54
1988-1989	0.484	0.890	28.62	28.14	1.89	2.75
1993-1994	0.364	0.645	27.21	26.80	1.22	1.88

Оценка распространенности сожительств по данным микропереписи 1994 года,

Программа микропереписи 1994 года различала зарегистрированный и незарегистрированный (сожительство) брак, что позволяет сделать оценку распространенности последнего для всего населения России. Отметим, что выборка микропереписи явно недоучитывала определенные категории населения: военнослужащих, заключенных и т.п., большинство из которых мужчины, следовательно, был недоучет мужчин, в особенности не состоящих в браке. Это выразилось в том, что, пересчитывая данные микропереписи на все население, мы получаем превышение числа женатых над числом замужних примерно на 4% (4,4% в городе и 2,3% в сельской местности). Поэтому лучше ориентироваться на показатели женского населения.

На первый взгляд, распространенность сожительств кажется достаточно редкой – всего 3,4% женщин старше 16 лет в городе и 5,4% в сельской местности (3,9% во всем

населении). В отдельных возрастных группах эта доля также невелика и обнаруживает тенденцию к увеличению от 2% женщин в возрасте 16-19 лет (1,6% в городе и 3% в селе) до 4,9% к возрасту к возрасту 40-49 лет (до 8,1% в селе и 4,2 % в городе), в более старших возрастах доля сожительств слегка понижается (таблица 2).

Таблица 2 : Показатели распространенности незарегистрированных браков по микропереписи 1994 года.

	Доля состоящих в незарегистрированном браке среди								
	всех женщин данного возраста			женщин, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке			женщин, не состоящих в зарегистрированном браке		
Возрастные группы	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
16 лет и старше	3.9%	3.4%	5.4%	7%	6%	9%	9%	7%	12%
16-19 лет	1.9%	1.6%	3.0%	14%	13%	17%	2%	2%	4%
20-24 года	3.8%	3.6%	4.5%	7%	7%	7%	8%	7%	12%
25-29 лет	4.4%	4.2%	5.0%	6%	6%	6%	15%	13%	22%
30-34 года	4.7%	4.2%	6.0%	6%	5%	7%	19%	16%	31%
35-39 лет	4.8%	4.2%	7.0%	6%	5%	8%	19%	16%	33%
40-49 лет	4.9%	4.2%	8.1%	6%	6%	10%	17%	14%	31%
50-59 лет	4.6%	3.8%	7.0%	5%	6%	10%	12%	10%	19%
60-69 лет	3.4%	2.7%	5.0%	7%	6%	10%	6%	5%	9%
70 лет и старше	1.5%	1.2%	2.1%	8%	6%	12%	2%	1%	2%

Рассчитано по : Основные итоги микропереписи населения 1994 г. Госкомстат. М.1994 с.38-39

Сожительство – новая и достаточно сложная категория в демографии, и используемый выше показатель, на наш взгляд, мало что говорит об «обычности» этого явления в тех группах населения, к которым он может относиться. Действительно, как идентифицировать женщин, живущих в незарегистрированном браке, в традиционных координатах показателей брачности? Надо ли говорить о распространенности незарегистрированных браков среди всех браков, включая в последнюю категорию как зарегистрированные, так и незарегистрированные браки? Или же распространенность сожительств надо оценивать в отношении того населения, которое может его продуцировать, то есть не состоящих в браке, вдовых, разведенных и разошедшихся?

Первый подход к оценке распространенности сожительств сегодня наиболее распространен, и именно он был принят при обработке данных микропереписи.[25] В данном случае получаемое отношение незарегистрированных браков ко всем супружеским союзам как бы характеризует степень замещения легального брака сожительством. Очевидно, динамика этого показателя должна находиться в обратном отношении к общему и возрастным уровням легальной брачности населения. При втором подходе доля женщин, живущих в незарегистрированном браке, среди всех не состоящих в зарегистрированном супружестве показывает реальную частоту данного явления и получаемое отношение непосредственно связано с вероятностью перейти из

[25] Kiernan K.– Partnership Behaviour in Europe. В книге: *Europe's Population in the 1990*. Edited by David Coleman, Oxford University Press, 1996

состояния «незамужества» (девичества, развода или вдовства) к состоянию незарегистрированного брака.

Если мы рассмотрим долю женщин, состоящих в незарегистрированном браке, среди всех живущих в «демографическом супружестве», то распространенность сожительств оказывается увеличившийся почти в два раза: из 100 пар 7 приходится на не состоящих в зарегистрированном браке (соответственно – 6 в городских поселениях и 9 в сельских). В возрастном отношении сожительство смещено к молодым возрастам: 14% женщин в возрасте 16-19 лет указали, что состоят в незарегистрированном браке, затем эта доля резко понижается до 6% в среднем, оставаясь чуть выше в крайних возрастах (7% в возрасте 20-24 года и 8% в возрасте старше 70 лет). Величина этих показателей для всего населения определяется в основном городским населением (14% в возрасте 16-19 лет и от 5 до 6% в более старших возрастах. В сельской местности распространенность сожительств в среднем выше, чем в городах. Среди сельских женщин моложе 20 лет 17% замужних считают, что состоят в незарегистрированном браке, затем эта доля уменьшается до 6% в возрастной группе 25-29 лет, но после 40 лет она вновь увеличиваться до 10%.

Но если в качестве знаменателя использовать лишь те категории населения, которые способны находиться в незарегистрированном браке (никогда не состоявшие в браке, вдовые, разведенные и разошедшиеся), то картина распространенности сожительств явно меняется. Хотя общий уровень увеличивается и незначительно, до 9% (7% в городе и 12% – в сельских поселениях), мы наблюдаем значительное нарастание частоты незарегистрированных браков, от 2% в возрасте моложе 20 лет (2% в городе и 4% в сельской местности) до 19% в средних возрастах, 30-39 лет. При этом, если в городах этот показатель остается на уровне 16%, то в сельской местности он возрастает до 33% (!) в возрасте 35-39 лет. Другими словами, в этой возрастной группе из тех женщин, которые на основании текущего учета не попадают в категорию состоящих в браке, каждая третья в селе и каждая шестая в городе оказываются состоящими в незарегистрированном браке.

Таким образом, как косвенные оценки на основе чисел внебрачных рождений, так и результаты микропереписи 1994 года свидетельствуют, что юридически неоформленные союзы - достаточно обычные явления в российской жизни. Учитывая высокий уровень их распространения среди населения с наибольшим социальным контролем поведения (сельские населенные пункты), можно сказать, что такой тип «нетрадиционного» матримониального поведения если и не является социально одобряемым, то по крайней мере не подвергается социальному осуждению.

Заключение

Подводя итог наблюдениям за динамикой брачности и разводимости в России, можно поставить вопрос о том, слишком ли отличается русская модель брачности от европейской. Ответ на это вопрос может быть неоднозначным. С одной стороны, практически полное отсутствие окончательного безбрачия и ранние браки говорят в пользу специфической модели. Но с другой стороны, ранние разводы и частые повторные браки предполагают модель, которая весьма близка к европейской. Действительно, не скрывает ли эта нестабильность ранних браков в России отказ от старого института, не соответствующего сегодняшней действительности, отказ, сравнимый с тем, который вызывает в Западной Европе увеличение юношеских сожительств? Если это так, то в ближайшие годы нас ожидает существенное уменьшение показателей брачности.

Кроме того, распространение незарегистрированных браков ставит вопрос о том, в какой степени официальная статистика отражает реальную ситуацию. Что же мы наблюдаем сегодня кризис института семьи, характеристикой которого является в том числе и рост распространенности сожительств, или кризис системы статистики семьи и кризис социальной парадигмы семьи и брака?

Александр Авдеев (Париж, Москва, 1998)

View publication stats